

Ян Е как раз собирался во дворец по зову Ян Си, когда присланный слуга начал его торопить. Он похлопал того по плечу:

— Ладно-ладно, сейчас буду.

Ян Си поручил ему хлопотное дельце: приставил к нему нескольких чиновников и велел лично заняться подготовкой к свадьбе Бэйчэнь Цина. Услышав об этом назначении, Ян Е смутился — ситуация была двусмысленной, — но перечить не посмел. Пришлось послушно провести несколько дней в суматохе. Лишь когда все приготовления наконец завершились, он смог вздохнуть свободно.

Когда Ян Е прибыл во дворец, Ян Си ждал его в боковом покое своей почивальни. Стоило переступить порог, как взгляд Ян Е упёрся в плотные ряды уложенных больших сундуков из наньму с изящной золотой росписью. Их были десятки.

— Это из дворцовых кладовых, — буднично произнёс Ян Си. — Мои дары для Юньци. Я и твою долю подношений приготовил, чтобы тебе не пришлось по сусекам скрести. Позже вели слугам отвезти всё это в его поместье.

Ян Е не спеша обошёл сундуки кругом и с усмешкой покачал головой:

— Ого, истинно императорская щедрость. И что там внутри?

— Сокровища, оставшиеся ещё от прежнего императора, — отозвался Ян Си. — Сам толком не знаю. Велел слугам выбрать самое редкое и дорогое. Князь Цэнь собирает за младшей дочерью невиданное приданое, так что наш Юньци не должен ударить в грязь лицом.

Он обернулся и с укором зыркнул на брата:

— Будешь послушным — я и тебе отвалою не меньше.

На столике неподалёку лежал свиток из плотной красной бумаги, где каллиграф подробно вывел опись даров. Ян Е мимоходом взял его, скользнув взглядом по строкам — парча, жемчуг, драгоценные камни... Обычное придворное богатство. Но стоило ему опустить глаза чуть ниже, как сердце пропустило удар. На бумаге чётко и ясно было выведено: «Нефрит из золотых нитей и красного бамбука».

Ян Е оцепенел. Кровь медленно отлила от его лица, уступив место мертвенной бледности, а грудь сдавила невыносимая, щемящая тоска.

Заметив его замешательство, Ян Си спросил:

— Чего застыл? Понравилось что-то? Если приглянулось — забирай, не стесняйся. Я потом Юньци другое пришлю, возьмещу.

— Нет, ничего, — тихо ответил Ян Е.

Он бережно, словно хрупкое стекло, опустил свиток обратно на стол.

— Я, пожалуй, пойду. Нужно всё доставить.

Женитьба Бэйчэнь Цина всколыхнула весь императорский двор. Даже старый князь Цэнь, никогда прежде не покидавший своих земель в Гуаньчжуне, преодолел тысячи ли ради венчания младшей дочери. Свадебный поезд ломился от богатств: когда первые повозки с приданым уже въезжали в ворота генеральского поместья, хвост колонны ещё даже не показался у городских ворот Лояна. Невиданный размах подношений ошеломил и чиновников, и простых зевак.

В усадьбе Бэйчэнь Цина быстро закончились свободные покои, и тогда Ян Е без лишних слов велел подготовить своё прежнее поместье маркиза Хуайнаня, чтобы с комфортом разместить и гостей, и бесчисленные лари. Сам Ян Си лично вызвался благословить союз, выказав молодожёнам высочайшую честь.

На вечернем пиру Ян Е долго не продержался. Вокруг шумело весёлое многоголосье, гости хмелили и радовались, и ему совсем не хотелось сидеть сычом, омрачая чужой праздник своим унылым видом. Подозвав Бэйчэнь Цина, он сослался на внезапную головную боль — мол, недолеченная простуда даёт о себе знать, — после чего в сопровождении нескольких стражников тихо выскользнул из зала, оставив весь этот шумный блеск позади.

По стечению обстоятельств именно в этот день праздновал открытие Школы Цветоводства Се Ляньфан. Приглашение от него прислали ещё три дня назад, и теперь Ян Е, томимый глухой тоской, решил заглянуть туда по пути. Хозяин Се никак не ожидал, что великий князь променяет пышное торжество Бэйчэнь Цина на его заведение. Приняв высокого гостя с поистине религиозным благоговением, он расплылся в улыбке:

— Не пожелает ли Ваше Высочество, чтобы к вам прислали парочку смыслёных юношей для беседы?

— И много у тебя этих смыслёных? — хмыкнул Ян Е. — Только чур своего Суюя мне больше не навязывай. Садись сам, посиди со мной.

Се Ляньфан тут же уцепился за представившуюся возможность:

— Коль Ваше Высочество не брезгует моим скромным обществом, я готов и вовсе отказаться от прочих гостей. Представьте, сегодня первый день, а пара заезжих господ уже пыталась строить мне глазки. На воспитанников школы даже не смотрят — всё на меня пялятся, подлецы!

Ян Е на миг растерялся, окинул его оценивающим взглядом с ног до головы и вдруг расхохотался:

— Надо же, нашлись чудачки... Ха-ха-ха! Постой, но ведь ты сам говорил, что половина этой школы принадлежит мне? Значит, чем больше ты соберёшь с этих господ, тем больше упадёт в мой карман. Так что ступай-ка ты обратно в зал и принимай гостей как миленький. Да выбирай тех, у кого кошельки потолще, не то шкуру спущу!

Улыбка Се Ляньфана сделалась немного натянутой, а в глазах промелькнула тень разочарования.

— До чего же Ваше Высочество безжалостны, прямо сердце кровью обливается, — притворно вздохнул он. — Ну ладно, пойду ублажать толстосумов. Но как только освобожусь — сразу к вам.

В тот вечер великий князь изрядно перебрал с вином. Се Ляньфан настойчиво уговаривал его остаться на ночь, резонно замечая, что это его собственное заведение, где для дорогого гостя давно подготовлены уединённые покои, скрытые от посторонних глаз. Ян Е посмотрел на весёлую суету вокруг — здесь было в сто раз оживлённее, чем в его огромном, холодном и пустом поместье, — и согласился. Засыпая, он хмельным голосом пробормотал последнее напутствие:

— И не забудь... завтра принесёшь мне отчёт, сколько сегодня выручил!

— Обязательно, Ваше Высочество, всё до единой монеты сочту! — заверил Се Ляньфан.

Ян Е остался в Школе Цветоводства на несколько дней. Се Ляньфан оказался невероятно заботливым и услужливым хозяином: предугадывал любое желание гостя и каждое утро преданно приносил бухгалтерские книги. Делать великому князю всё равно было нечего, поэтому он с удовольствием предавался праздности в этих гостеприимных стенах.

Спустя пару дней слухи о том, что князь Хуай ночует в сомнительных заведениях, докатились до ушей Ян Си, вызвав у императора очередной приступ ярости. Он уже собирался отправить за братом стражу, чтобы устроить тому знатную головомойку, как вдруг во дворец доставили срочную депешу с южной границы. На рубежах с государством Цюннань вспыхнули ожесточённые столкновения между местными жителями. Приграничные гарнизоны пытались взять ситуацию под контроль и утихомирить бунтовщиков, но тщетно.

Императору пришлось спешно отложить семейные разборки. Меньше всего сейчас ему хотелось ввязываться в крупную войну, поэтому он немедленно издал указ с требованием разрешить конфликт миром. Но было уже поздно. Маленькое и малолюдное государство Цюннань недавно обрело нового правителя — юного, но вспыльчивого и амбициозного. Тот уже вовсю стягивал к границам войска, намереваясь использовать эту стычку как удобный повод показать зубы великому соседу.

Империя Да Янь испокон веков видела главную угрозу в воинственном государстве Сицзя, а на мелких южных соседей вроде Цюннани смотрела свысока. Хотя на рубежах и стояли гарнизоны, их снабжением и обучением пренебрегали. Внезапный и яростный натиск цюннаньской армии застал имперских военачальников врасплох — враг без труда захватил несколько приграничных городов один за другим.

Для Ян Си, только что взошедшего на престол, это было время испытаний. Позволить какому-то мелкому царству безнаказанно грабить имперские земли означало навсегда потерять лицо перед подданными. Не колеблясь более, император отдал приказ о мобилизации войск, решив

преподать дерзкому соседу суровый урок.

Стоило вести о войне разлететься по столице, как Бэйчэнь Цин первым подал прошение на имя государя. Он рвался возглавить карательный поход и клялся, что, если Его Величество даст благословение, он не просто усмирит бунтовщиков, а полностью сотрёт Цюннань с лица земли, присоединив её владения к империи Да Янь.

На утреннем приёме Ян Си долго держал в руках этот свиток, хмуро молча. Наконец он объявил о роспуске собрания и велел Бэйчэнь Цину явиться в императорский кабинет. Стоило генералу переступить порог, как государь напустился на него с упрёками:

— Ты женился без году неделя! Отчего же так рвёшься прочь из дома? Кем ты недоволен — Сяо Мэй или мной?

— Помилуйте, Ваше Величество, в моём сердце нет и тени обиды, — почтительно склонил голову Бэйчэнь Цин. — Мой долг и моя заветная мечта остались прежними — сокрушить врагов империи, принести мир её подданным и объединить под вашим началом все земли под небесами. Мои устремления не изменились. Прошу вас, позвольте мне вести армию.

Ян Си отвернулся к окну, уставившись на сочные широкие листья бананового дерева в саду. Лишь спустя долгое время он тяжело вздохнул:

— Красиво говоришь. Да только лукавишь. Ты держишь на меня обиду, Сяо Лан злится... Вы оба ополчились против меня. Что ж, пусть так. Видимо, я во всём виноват перед вами.

— Ваше Величество преувеличивает, — тихо ответил Бэйчэнь Цин. — Не знаю, что на уме у Сяо Лана, но я никогда бы не посмел перечить вашей воле. Однако в этот раз я действительно чувствую, что обязан быть там. Умоляю, позвольте мне уйти.

Ян Си медленно повернулся, и на его губах появилась едва заметная, холодная улыбка:

— Ступай, я не против. Но не спеши. Вот когда младшая уездная принцесса Цэнь понесёт от тебя дитя — тогда и отправишься.

Бэйчэнь Цин оцепенел, лицо его вмиг утратило краски, а губы беззвучно зашевелились, не в силах вымолвить ни слова. Ян Си вперил в него пронзительный взгляд и заговорил вкрадчивым, тихим голосом:

— Ты до сих пор не разделил с ней ложе. Слухи об этом быстро расползутся, а нам совсем не нужно злить старого князя Цэня. Сделай так, как я говорю: дождись, пока супруга зачнёт наследника. Цюннань — крошечное захолустье, пара тысяч оборванцев не доставят нам больших хлопот, подождут. А теперь ступай к себе.

Генерал постоял молча, борясь с гневом, но в итоге лишь коротко поклонился и покинул кабинет, твёрдо решив покончить с этим вопросом как можно скорее.

Тем временем на южной границе установилось шаткое, изнурительное затишье — ни мира, ни полноценной войны.

Ближе к празднику начала лета вести с рубежей вновь стали тревожными. Бэйчэнь Цин подал очередное прошение, уверяя, что все домашние дела улажены, и он готов немедленно выступить в поход. На его настойчивые рапорты Ян Си до поры не обращал внимания, но в конце концов отправил в генеральскую усадьбу придворных лекарей. Лишь когда те подтвердили, что Сяо Мэй действительно носит под сердцем дитя, император сменил гнев на милость и подписал указ о назначении.

Подготовка шла полным ходом. Отъезд назначили на шестой день пятого лунного месяца — после торжественного жертвоприношения и окропления знамён кровью жертвенных животных войско должно было выступить на юг.

В предпраздничной суете дни летели незаметно. Император уже разослал вельможам традиционные угощения — цзунцзы и пучки полыни для защиты от злых духов. Поместье Бэйчэнь Цина осаждали сослуживцы и чиновники, желавшие выказать почтение перед походом, однако среди гостей так и не появился тот, чьё присутствие было для генерала важнее всего. Ян Е не пришёл попрощаться.

Расспросив слуг, Бэйчэнь Цин узнал, что великий князь наконец покинул стены Школы Цветоводства и вернулся в своё поместье. Не теряя времени, генерал отправился к нему, однако у ворот его ждало разочарование: управитель сообщил, что по случаю праздника Его Высочество ещё на рассвете уехал со свитой к реке Ло, дабы покататься на лодках.

Делать было нечего — пришлось скакать к набережной. На реке всю гремели барабаны, шли весёлые гонки на драконьих лодках, и толпы горожан радостно шумели на берегах. Бэйчэнь Цин долго пробирался сквозь праздную толпу, пока наконец не заметил Ян Е в глухой, заросшей камышом заводи далеко от общего веселья.

Великий князь пренебрёг роскошной резной джонкой, выбрав простую плоскодонку, приткнувшись у тенистого берега. Он сидел на самом носу, поставив рядом огромное блюдо с цзунцзы. Лениво очищая листья тростника, он крошил клейкий рис и бросал его в воду кружащим у бортов рыбам.

Бэйчэнь Цин долго разглядывал его со спины. Ян Е был настолько поглощён своим занятием, что даже не услышал приближения шагов. Тихо вздохнув, генерал легко перемахнул с мостков на качающуюся палубу.

Дно лодки мягко качнулось под чужим весом. Ян Е обернулся и, узнав гостя, слабо улыбнулся:

— А, это ты.

Он тут же отвернулся обратно к воде, швырнув рыбкам очередную горсть риса.

— Завтра на рассвете я уйду с войском к цюнаньским рубежам, — негромко заговорил Бэйчэнь Цин, присаживаясь неподалёку. — Не наскучило тебе в столице? Может, отправишься со мной?

— К чему мне это? — равнодушно отозвался Ян Е. — Лень с места сниматься. Да и захоти я поехать — государь ни за что не отпустит.

— Он и меня не хотел отпускать, — Бэйчэнь Цин запнулся и, помедлив, глухо добавил: — Сяо Мэй ждёт ребёнка. Только после этого Его Величество подписал указ.

— Поздравляю, — без тени радости бросил Ян Е.

— Да... Говорят, императрица тоже тяжела. Похоже, правящий дом Да Янь вскоре пополнится ещё одним наследником.

— Замечательно. Двойная радость для престола, — в голосе Ян Е сквозило ледяное безразличие.

Бэйчэнь Цин придвинулся ближе и опустился на доски рядом с ним. В прозрачной воде так и кишели мелкие рыбёшки, яростно сражаясь за каждый упавший кусочек риса. Было ясно, что великий князь сидит здесь уже не первый час.

— Зачем ты кормишь их? — тихо спросил генерал.

— Слышал я, будто в древности, когда почтенный Цюй Юань бросился в реку, люди на берегах Милоцзяна начали каждый год в день его гибели бросать в воду цзунцзы. Кормили рыб, чтобы те не смели трогать тело покойного мудреца. Оттого и пошёл этот праздник... Вот и я от нечего делать решил уподобиться предкам. Развлекаюсь.

Бэйчэнь Цин замер, чувствуя, как внутри всё сжимается. Лишь спустя долгую минуту он выдавил из себя:

— Это я... Я по воле государя вынужден броситься в реку. Ты ведь... уже обо всём догадался?

Ян Е промолчал. Пальцы его замелькали быстрее, срывая тростниковые листья с яростной поспешностью. Теперь он бросал пирожки в воду целиком — один за другим. Тяжёлые всплески гулко разносились над сонной рекой, будто хлёсткие пощёчины, бьющие генерала по лицу.

Бэйчэнь Цин попытался перехватить его руку за запястье:

— Сяо Лан, стой... не надо так.

Ян Е резко, с силой вырвался и упрямо швырнул в реку очередной комок риса.

Генерал бессильно опустил руки.

— Значит, точно знаешь.

— И что с того? — ледяным тоном отозвался Ян Е. — Знаю я или нет — какая теперь разница? Его больше нет, мёртвого не воротить. Я лишь думаю о том дне... Стояла лютая стужа, шёл снег. Ладно, если он захлебнулся сразу. А если нет? Если он тонул медленно... Представляешь, как ледяная вода обжигала его лёгкие?

Ян Е передёрнуло от внезапного озноба. Он повернул голову и в упор посмотрел на побелевшего как полотно Бэйчэнь Цина:

— Впрочем, мне уже всё равно. Мы ведь с вами столько лет рука об руку прошли, так? А он... он для вас всегда был чужаком. Посторонним человеком, которого вы не задумываясь пустили в расход. И никого не заботило, что для меня он был дороже жизни.

Он схватил оставшиеся цзунцзы и с силой швырнул их в воду. Тяжёлый ворох риса с шумом ушёл на дно, подняв фонтан брызг, которые окропили грудь и плечи генерала.

— Уходи, — сухо велел Ян Е. — Я никуда с тобой не поеду. Мне ещё нужно покормить рыбу.

Бэйчэнь Цин не нашёлся что ответить. Он молча поднялся и сошёл на берег. А на следующее утро во главе многотысячного войска выступил к южным рубежам.

Вернувшись в пустое поместье, Ян Е почувствовал, как его накрывает удушливая, глухая тоска. Он долго сидел в полумраке, баюкая свою боль, пока в глубине души вновь не шевельнулась отчаянная, безумная надежда. Раз Лин Шу заставили прыгнуть в воду, а сам он умирать не собирался, быть может... быть может, судьба смиростивилась над ним? Быть может, он выжил?

Ухватившись за эту мысль, Ян Е тайно велел Чжунли Чжэню отправить письмо воеводе Цзиньлина Цзюнь Вэнчжэ с мольбой разыскать хоть какие-то следы пропавшего. Воевода Цзюнь не отказал в помощи. Однако спустя несколько месяцев пришёл безотрадный ответ: его люди обшарили каждый затон и перевернули вверх дном все притоки реки Янцзы, но поиски не принесли никаких плодов.

Ян Е слишком хорошо знал, на что способен Цзюнь Вэнчжэ, чтобы сомневаться в его усердии. Вспомнив ледяной, пронизывающий до костей северный ветер, бушевавший в день исчезновения Лин Шу, великий князь окончательно погрузился во тьму отчаяния. Видно, сама судьба предназначала им вечную разлуку. Иначе отчего каждое их мимолётное счастье раз за разом оборачивалось роковой ошибкой, неизбежно приведшей к этой последней, непреодолимой черте между жизнью и смертью.